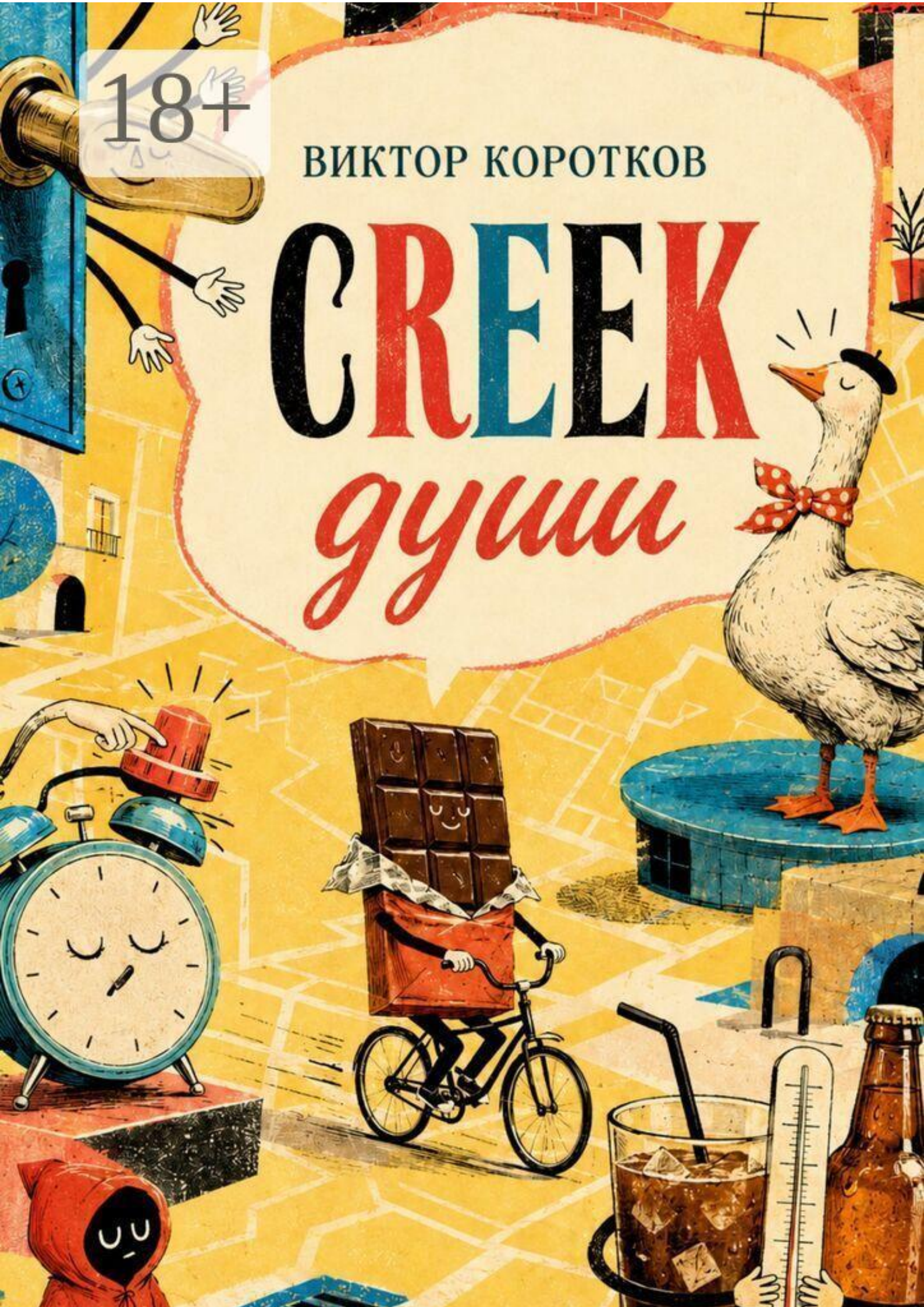

18+

ВИКТОР КОРОТКОВ

СРЕЕК

гущи

Виктор Коротков

Creek души

«Издательские решения»

Коротков В.

Срек души / В. Коротков — «Издательские решения»,

Тридцать коротких рассказов о людях, которые делают вид, что живут нормально. Они разговаривают с дверными ручками, вспоминают детство по вкусу дешёвого шоколада, боятся будущего и всё равно строят планы на вечер. «Срек души» — смешная и немного страшная проза о городской жизни, одиночестве, памяти и попытке остаться человеком среди бытового абсурда. Для тех, кому честный смех ближе правильных ответов.

© Коротков В.

© Издательские решения

Содержание

ВИКТОР КОРОТКОВ	6
Содержание	7
Часть I. Вещи, которые помнят	7
Часть II. Люди, которые притворяются 24	7
Часть III. Работа и другие кошмары 43	7
Часть IV. Ночные существа	7
Часть V. То, что остаётся 81	8
ЧАСТЬ I	9
Старая комната	9
Шоколад	11
По росту	13
Счётчик	15
Разделитель	17
Ручка	19
ЧАСТЬ II	21
Гусь	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Creek души

Виктор Коротков

© Виктор Коротков, 2026

ISBN 978-5-0071-1995-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВИКТОР КОРОТКОВ
CREEK
ДУШИ
РАССКАЗЫ

2026

— *Чем ты сегодня занимался?*

— *Я выдумывал день.*

18+

Виктор Коротков. Creek души: рассказы.

Первое издание.

© Виктор Коротков, 2026

Содержание

Часть I. Вещи, которые помнят

Старая комната
Шоколад
По росту
Счётчик
Разделитель
Ручка

Часть II. Люди, которые притворяются 24

Гусь
Легко
Кассир №4
Старик
Смурфик
Ухо

Часть III. Работа и другие кошмары 43

Я выдумывал день
Комитет
Пять звёзд
До конца жизни
Отложить
Холодный кофе

Часть IV. Ночные существа

Девушка в чёрном
Планы
Городская крыса
Не смотри вверх
Красивое здание
Последняя серия

Часть V. То, что остаётся 81

Ящики
Дюжина
Прощание
Двадцать девятое
Мелкий шрифт
Цветы

ЧАСТЬ I

Вещи, которые помнят

Вещи ничего не забывают. Они просто молчат.

Старая комната

— Ты всё-таки придёшь? — спросила мама. — Шкаф держать некому.

Она говорила так, будто шкаф уже падал и только моё отсутствие мешало его спасти.

После ремонта дверь в мою комнату стала белой. Раньше она была коричневая, с выжженным около замка пятном: в девятом классе я проверял на ней зажигалку и узнал, что лакированное дерево загорается не сразу, зато пахнет надолго. Теперь на месте пятна висела серебристая ручка, слишком бодрая для нашей квартиры.

Мама стояла посреди комнаты в носках и командовала двумя сборщиками. Те собирали шкаф цвета «ясень северный», хотя единственный ясень находился на наклейке. На незаклеенном торце серели обычные опилки.

— Ну как? — спросила мама.

Я посмотрел на серые обои, новый ламинат и круглый светильник под потолком. Исчезли звёзды, которые отец клеил надо мной, стоя на табурете. Исчезла царапина от гантели, которой я один месяц готовился стать сильным. На месте письменного стола стояла кровать в прозрачной упаковке.

— Как в стоматологии.

— Чисто, что ли?

— Очень.

Она решила считать это комплиментом.

Квартиру готовили для жильцов. Мама переехала к своей сестре за город, где был газовый котёл, две теплицы и человек, умеющий молча чинить насос. Я забрал отсюда книги ещё осенью. На мешке со школьными грамотами мама тоже написала маркером «ХЛАМ», крупно, чтобы не перепутать.

Сборщики попросили меня держать боковую стенку. Я держал. Шкаф медленно приобретал форму и закрывал место, где когда-то висела карта мира. Отец прибил её вверх ногами: Австралия оказалась над моей кроватью, а Северный Ледовитый океан — у плинтуса. Перевертывать карту не стали, чтобы не делать новых дырок. Так я несколько лет засыпал в Южном полушарии.

— Не жалко? — спросила мама, заметив, куда я смотрю.

— Обои?

— Комнату.

Один сборщик поднял голову. Ему тоже стало интересно, что отвечают в таких случаях.

— Я же не хомяк. Зачем мне хранить комнату?

Сборщик усмехнулся и снова закрутил шуруп. Мама подала ему следующую полку.

К вечеру шкаф стоял, кровать перестала хрустеть плёнкой, а в коридоре выросли пустые картонные пачки. Последний автобус к маминой сестре ушёл. Она легла в гостиной на диване, а мне выдала новое одеяло, пахнущее магазином.

— Только окно не открывай, — сказала она. — Обои ещё сохнут.

— А я думал, они уже умерли.

— Спи давай.

В детстве из моей комнаты были слышны лифт, трубы и магазин через дорогу. Лифт теперь заменили: он приезжал бесшумно, как чужая дорогая машина. Трубы спрятали в короб. Магазин остался. Его красная вывеска просачивалась между жалюзи и делила новый шкаф на две неравные части.

Я лёг на спину. Светильник был выключен, но белел над головой. На старом потолке ночью проступали бумажные звёзды. Они почти не светились, просто давали глазам работу. Я знал их расположение и мог найти ту, у которой оторвался один луч. На белом потолке нашёлся только волосок, засохший в краске.

Около двух я захотел пить. Встал и пошёл к двери, не включая свет. На третьем шаге тело само повернулось боком.

Так я обходил скрипучую половицу, когда возвращался домой позже разрешённого. Нужно было прижаться к шкафу, поставить левую ногу у стены, а правой перешагнуть тёмный сучок. Если попасть на середину доски, она вскрикивала на всю квартиру. Отец однажды загнал под неё щепку. Два дня половица молчала, потом вытолкнула щепку и продолжила докладывать обо мне.

Теперь под ногами лежал ламинат. Шкаф стоял с другой стороны. Тёмного сучка не было. Я всё равно обошёл нужное место и только у двери понял, что сделал.

Вернулся.

Надавил пяткой туда, где раньше проходила доска.

Из-под нового пола донёсся короткий, недовольный скрип.

Я отпустил. Надавил ещё раз.

— Ты чего там ходишь? — крикнула мама из гостиной тем же сонным голосом, каким спрашивала пятнадцать лет назад.

— Пить хочу.

— Так иди пей.

Я сходил на кухню, хотя пить уже не хотелось. На столе стояли три кружки, оставленные сборщиками. В одной на дне застыл серый кофе. Я вымыл её, вернулся и снова наступил на нужное место. Половица ответила тише, будто мы договорились не будить маму.

Когда я снова лёг, доска скрипнула уже не подо мной. В дверном проёме появилась мама — плоская красная фигура на фоне вывески. Она прошла к окну, проверила ручку, потом подтянула край моего одеяла. Я закрыл глаза и задышал размеренно, слишком громко для спящего.

— Не старайся, — сказала она. — Ты и маленький плохо притворялся.

Доска выдала её на обратном пути.

Утром пришла девушка с кошкой в переноске. Пока мама показывала ей стиральную машину и напор воды, кошка обнюхала новую кровать, залезла под неё и не захотела выходить.

— Комната совсем новая, — сказала девушка.

— Всё поменяли, — ответила мама.

Я встал у двери. Под подошвой едва слышно шевельнулась доска. Девушка этого не заметила. Кошка вылезла из-под кровати, дошла до середины комнаты и ступила точно на то же место.

Из-под нового ламината ей ответил короткий скрип.

Шоколад

После ремонта у меня чесались запястья. Мама сказала, что это от строительной пыли, и сунула мне пластинку супрастина из старой аптечки. На фольге сохранилось четыре таблетки и пятно йода, похожее на карту маленькой страны, куда не пускают здоровых.

Домой я пошёл пешком. Было уже поздно, автобусы ходили редко, а ночной воздух казался чище только потому, что в нём ничего не было видно. У круглосуточного магазина красная вывеска мигала через одну букву. Внутри кассирша заканчивала кроссворд, и я купил воду, дешёвую шоколадку с орехами и батарейки, за которыми вообще-то не заходил.

Шоколад стоил дешевле батареек. Это внушало ему доверие.

Первую дольку я съел на остановке. Она не хрустнула, а согнулась, как пластилин. Сахар чувствовался отдельно, какао отдельно, орехи существовали главным образом на картинке. Я проглотил супрастин и заел второй долькой.

Горькая меловая таблетка смешалась во рту с жирной сладостью, и автобусная остановка исчезла.

Мне было четырнадцать. Отец разбудил меня в половине четвёртого и сказал:

— Вставай. Сам просился.

Накануне я действительно просился с ним на рыбалку. Вечером рыбалка выглядела как мужская тайна. В половине четвёртого она выглядела как ошибка, совершённая другим человеком.

Мы ехали к речке на трёх велосипедах. У отца на багажнике подпрыгивал свёрнутый брезент, у меня на руле висел пакет с хлебом. Колючая трава цеплялась за брюки, роса сразу промочила кеды. Я спросил, нельзя ли ловить рыбу после завтрака. Отец сказал, что после завтрака рыба уже всё понимает.

У берега он разложил удочки, налил себе кофе из термоса и разрешил мне забрасывать первым. Леска зацепилась за куст. Отец полез в воду, ругаясь вполголоса, отцепил крючок и велел бросать туда, где нет кустов. Я бросил туда, где, по моему мнению, кустов не было. Там оказались камыши.

Комары нашли меня раньше рыбы. Один укусил в веко, ещё несколько — в шею. На руках вздулись бугорки. Отец посмотрел, порывлся в металлической коробке с крючками и достал таблетку в бумажном квадратике.

— Половину. Спать захочешь.

— Я и так хочу.

— Тогда вторую половину сэкономим.

Супрастин прилип к языку. Отец отломил от шоколадки два квадратика и дал мне. Обёртка была синяя, сама плитка поседела по краям. Тот шоколад тоже не хрустел.

Мы сидели на брезенте. От воды тянуло холодом и тиной. В траве кто-то тяжело шуршал, но не показывался. Поплавки стояли неподвижно. За двадцать минут отец сделал три глотка кофе и ни разу не посмотрел на часы.

С нами был Веня Трупилов. Его отец отпустил при условии, что Веня не полезет в воду. Веня выполнил условие буквально: в воду он не полез, зато лёг в мокрую траву и сразу промочил куртку. Шоколад он отламывал вместе с фольгой, потом долго выплёвывал серебряные клочки.

— Долго ещё? — спросил я.

— До рассвета.

— А потом?

— Потом домой.

— Скорей бы восемнадцать, — сказал я Вене.

— Машину купишь?

— Нет. На рыбалку не буду ездить.

— Можно и сейчас.

Я посмотрел на отца. Он распутывал леску и делал вид, что не слышит.

— Сейчас нельзя. Я маленький.

Веня обдумал это и доел мой квадратик шоколада.

Супрастин тянул веки вниз. Я щипал себя за колено, боясь проспать то, ради чего нас подняли.

Домой хотелось немедленно. Там оставалась недоигранная игра, друзья собирались на стадионе, а ближе к обеду обещали показать новый музыкальный канал. Я смотрел на часы каждые три минуты и каждый раз обнаруживал всё тот же пятый час. До восемнадцати оставалось четыре года. Я считал, что после этой цифры никто не будит тебя ради твоих же вчерашних идей.

Перед рассветом поплавок отца ушёл под воду. Отец дёрнул удилище, леска запела, и на берег вылетел ёрш размером с его ладонь. Ёрш растопырил колючки и выглядел возмущённым ранним подъёмом не меньше моего.

— Наш, — сказал отец.

Он снял рыбу с крючка, подержал в мокрой ладони и отпустил. Я спросил, зачем тогда было вставать. Отец вытер руку о штаны.

— Чтобы отпустить.

Я проверил ведро: пустое. Отец уже складывал удочку.

Небо за речкой медленно стало малиновым. На траве загорелась роса, каждый стебель оказался обведён светом. Отец сматывал леску. Я стоял рядом, сонный от таблетки, с шоколадом на пальцах и мысленно ставил все будущие будильники на полдень.

На остановке подошёл автобус. Я не сел: до дома оставалось два квартала, а память ещё не закончилась. Дожевал плитку по дороге, испачкал большой палец и машинально вытер его о джинсы — туда же, куда отец вытирал руку после ерша.

Во дворе уже светлело. Между гаражами появилась тонкая малиновая полоса. Я поставил будильник на семь, поднялся к себе и лёг поверх одеяла, не закрывая шторы.

Перед тем как уснуть, я увидел такую же полосу на потолке и решил, что всё-таки дождался рассвета. Она мигнула и погасла: вывеска круглосуточного магазина.

По росту

Весной во дворе появились дети на велосипедах. Они выезжали из подъездов раньше дворников, звенели в пустые окна и оставляли на асфальте белые полосы от тормозов. Велосипеды у них были маленькие, яркие, с передачами, мягкими накладками и флягами, из которых никто не пил. Каждый подходил своему владельцу так точно, словно ребёнка выдавали к нему в комплекте.

Почему-то это меня раздражало.

Особенно мальчик из третьего подъезда. Его звали Егор. Он ездил в синем шлеме по кругу вокруг песочницы, а мать шла рядом и время от времени поправляла ему спину. Велосипед был красный, колёса чистые, цепь пряталась под пластиковым кожухом. На руле крепился чёрный звонок. Егор звонил перед каждой лужей, как будто предупреждал воду.

— Уступите дорогу, — сказал он мне однажды.

Дорога была шириной с двор, но я уступил.

— Спасибо.

Вежливость тоже почему-то не помогла.

В субботу его мать постучала ко мне. Она держала в руке велосипедный насос без шланга.

— У вас, кажется, был нормальный?

У меня действительно был нормальный насос. Сам велосипед стоял в подвале с прошлого лета. Я купил его, чтобы ездить на работу, дважды съездил на работу и решил, что автобус создан не зря.

Мы накачали Егору заднее колесо. Он ждал во дворе, уже в шлеме и наколенниках. Пока я возился с ниппелем, мальчик присел рядом.

— До трёх, — сказал он.

— Что до трёх?

— Мама качает до трёх.

— Давление не считает до трёх.

— А до сколько?

Я посмотрел на насос. Манометр на нём сломался ещё до покупки.

— Сегодня до четырёх.

Егор кивнул и приложил палец к крышке, проверяя мои четыре.

Его мать попросила последить за ним десять минут: курьер с продуктами застрял у шлагбаума. Я хотел сказать, что не умею следить за детьми, но Егор уже сел, поставил одну ногу на педаль и строго спросил:

— Держите?

Я взялся за багажник. Он оказался лёгким, почти игрушечным. Седло приходилось Егору ровно под таз, носки доставали до асфальта. Он оттолкнулся, проехал три метра и завалился влево. Я успел потянуть велосипед на себя.

— Рано отпустили, — сказал Егор.

— Я вообще не отпускал.

— Тогда плохо держали.

Он был прав, и от этого нравился мне ещё меньше.

Мой первый велосипед назывался «Урал» и принадлежал дяде Саше, который был выше отца. Восемьдесят сантиметров стальной рамы отделяли меня от нормальной езды. Если встать над велосипедом, верхняя труба приходилась мне почти под грудь. Седло отец опустил до конца, но оно всё равно существовало где-то в чужой взрослой жизни.

— Дорастёшь, — сказал он.

Ждать я не стал. Во дворе старшие показали способ ездить под рамой. Нужно было просунуть правую ногу в треугольник, левую поставить на педаль, корпус согнуть набок и держаться за руль так, будто велосипед пытался тебя стряхнуть. С одной стороны торчало моё колено, с другой — остальной я. Дорогу было видно из-под железной трубы.

Разогнаться помогал уклон от гаражей. Остановиться помогала сирень.

Первый раз я въехал в куст и вернулся домой с разодранной ладонью. Второй раз педаль ударила меня по голени. На третий я доехал до конца дома и развернулся, не упав. Никто не держал багажник. Некому было: отец работал, мама поливала огород у бабушки, старшие ребята уже потеряли интерес.

Вечером я показал отцу, как умею. Он стоял у подъезда с рабочей сумкой и сначала испугался, потом засмеялся.

— Ну ты артист. Подожди, сейчас раму снимем, чтоб не мешала.

Раму, конечно, не сняли. Другого велосипеда тоже не появилось. До конца лета я ездил боком и говорил всем, что так даже сложнее. Сложнее означало лучше. Шрам на голени я показывал как подтверждение.

— Ещё раз, — потребовал Егор.

Я побежал за ним, придерживая багажник. Красный велосипед катился медленно. Егор старательно крутил педали, шлем съехал на лоб. У песочницы он качнулся, я выровнял его рукой.

— Не тяните, я сам.

— Сам ты только падаешь.

— Падать тоже сам.

На третьем круге он проехал от скамейки до сирени. Его ноги двигались ровно, колени ничего не обходили, рама оставалась там, где ей полагалось. Мать вернулась с пакетами и захлопала. Я тоже поднял руки, но только чтобы показать: багажник уже не держу.

Егор остановился возле матери. Она поставила пакеты на асфальт и двумя пальцами поправила ему шлем. Я вспомнил верхнюю трубу «Урала» у себя под грудью. Хотелось, чтобы кто-нибудь тогда посмотрел на неё и отложил велосипед до следующего лета. В восемь лет я бы всё равно полез под раму: разодранную голень уже надо было чем-то оправдать.

Егор сделал ещё круг и затормозил передо мной.

— А вы на каком учились?

— На взрослом.

— Круто.

— Очень.

Вечером я спустился в подвал и выкатил свой велосипед. Седло на нём стояло высоко: так советовали люди в интернете, у которых колени имели правильный угол и отдельное мнение. Я ослабил зажим. Труба не двигалась, пришлось капнуть маслом и ударить рукояткой насоса.

Седло опустил на три ржавых сантиметра. Я проехал вокруг песочницы. Колени поднимались чуть выше положенного, зато, когда остановился, обе ступни доставали до земли.

Счётчик

Телефон сообщил, что память закончилась. Это прозвучало серьёзнее, чем было на самом деле: память занимала сто двадцать восемь гигабайт и в основном состояла из чеков, котов и чужих номеров машин.

Я пытался установить приложение банка. Телефон требовал освободить место. Банк без приложения отказывался показать, сколько у меня денег. Я и без него примерно знал, но неприятные новости лучше получать официально.

Начал с видео. Удалил одиннадцать случайных записей кармана, концерт, на котором ничего не было слышно, и двадцать три секунды снегопада. Снег падал в свете фонаря и выглядел так, будто сейчас произойдёт что-то важное. Ничего не происходило. Наверное, поэтому я и снимал.

Потом открыл фотографии.

Галерея насчитала восемь тысяч четыреста двенадцать. Там были завтраки, которыми я ни с кем не делился, расписания автобусов, ценники, смешные объявления, размытые лица на вечеринках и собственный ботинок, снятый изнутри кармана. Телефон предлагал удалить дубликаты. У него обнаружилось довольно строгое представление о том, какие дни моей жизни одинаковые.

За десять минут я избавился от семисот фотографий и ничего не потерял. Это раззадорило.

В поиске имелись готовые разделы: «Еда», «Собаки», «Документы», «Концерты». Отдельно телефон собрал снимки электрических счётчиков. Их оказалось сорок семь.

Каждый месяц мама просила меня зайти в старую квартиру и снять показания. Цифры находились высоко, в тёмном щитке над вешалкой в прихожей. Я фотографировал со вспышкой, увеличивал снимок и отправлял ей. Иногда путал старое показание с новым. Поэтому среди наших цифр встречались месяцы особенно экономные и оттого подозрительные.

Сорок семь прямоугольников почти не отличались. Чёрное стекло, пять белых барабанов, один красный. Пыль по углам. Отражение вспышки. Менялись только цифры, и даже они делали это без энтузиазма.

По краям кадров квартира всё-таки двигалась. В ноябре рядом со щитком висела отцовская синяя куртка.

В марте под ним стоял пакет с землёй для рассады. Потом на табуретке появилась коробка из аптеки, исчезла обувь, освободился крючок. Снимал я цифры, а получалась очень медленная уборка, которой никто не руководил.

Я выделил все снимки. Телефон спросил, уверен ли я. Пока палец висел над кнопкой, решил проверить другую вещь.

После смерти отца я собрал отдельный альбом. Назвал его «Папа», потому что более точное название выглядело бы глупо. В альбоме было тридцать две фотографии.

На шести отец сидел за одним и тем же праздничным столом. Четыре оказались кадрами неудачной панорамы: у него растянулось лицо, а люстра изогнулась дугой. На трёх он стоял спиной, чиня кран. Остальные я отсканировал из старых альбомов. В молодости отец фотографировался редко и всегда смотрел чуть в сторону, будто настоящий снимок делали соседям.

Счётчик попадал в мой телефон чаще него.

Отец умер раньше, чем я привык снимать еду сверху. Счётчик, наоборот, получал свой снимок каждый месяц, в срок. На экране всё равно стояли два числа: сорок семь и тридцать два.

Я вернулся в подборку счётчиков и стал листать. Декабрь, январь, февраль. На зимних снимках стекло запотевало после того, как я дышал на него, пытаясь разглядеть цифры. Один

кадр был почти чёрным. Следующий снят слишком широко: вокруг щитка виднелись зелёная стена, почтовые ящики и чья-то рука с фонариком.

Я увеличил.

Рука была отцовская. Он держал маленький жёлтый фонарь, тот самый, который хранил в кухонном ящике среди отвёрток. В чёрном стекле счётчика отражалась половина его лица — бровь, ухо и светлая полоса на щеке. Я стоял рядом, держа телефон, а он объяснял, какой барабан красный и почему его не надо записывать. Видимо, это был первый месяц, когда показания поручили мне.

Снимок лежал в галерее четыре года. Я открывал его каждый месяц, когда искал прошлые цифры, и ни разу не увеличил дальше счётчика.

Телефон не узнал лицо в отражении. Для него фотография по-прежнему относилась к разделу «Электричество».

Я обрезал кадр, оставив чёрное стекло, ухо и бровь. Получилось плохо. Если не знать, кто там, можно было принять отражение за соседа или пятно. Сохранил копию в альбом «Папа». Теперь фотографий стало тридцать три.

Остальные показания удалил. Телефон освободил место, банк установился и подтвердил мои опасения насчёт денег.

Приложение заняло в четыре раза больше памяти, чем удалённые счётчики. Банк считал такой обмен нормальным и даже выгодным.

Вечером мама прислала сообщение: «Ты свет снял?»

Я снова пошёл в старую квартиру. Открыл дверь; в прихожей не горела лампочка. Встал на табуретку и сделал фотографию. Вспышка выбелила пыль. Барабаны показывали новые цифры.

На стекле проступило моё отражение. Я держал телефон ближе, чем четыре года назад, поэтому лицо заняло всё чёрное окно; прищур всё равно получился отцовский. Я изменил угол, чтобы отражение не мешало читать показания. На втором снимке осталось только круглое пятно вспышки.

Отправив снимок, я не стал сразу его удалять. За стеклом медленно полз красный диск. Я дождался, пока он пройдёт ещё одно деление.

Разделитель

Пластиковую палочку с кассовой ленты я решил купить в одиннадцать сорок вечера. Решение было не хуже остальных покупок: пачки пельменей, двух бананов, лампочки и губки для посуды. По крайней мере, палочка выглядела вещью, у которой есть понятная работа.

Передо мной мужчина выкладывал на ленту корм для кошек, бутылку коньяка и детский шампунь. За мной женщина держала корзину с молоком и замороженной пищей. Работала одна касса. Красная вывеска магазина вспыхивала в окне, и каждый раз лица в очереди на секунду становились праздничными.

На ленте палочка лежала между двумя чужими жизнями и не сомневалась, где заканчивается одна. Стоило кассирше убрать её, банка кошачьего корма уехала к моим бананам, а молоко женщины сзади легло рядом с моей губкой. Мы трое сразу начали возвращать вещи владельцам. Палочка одна справлялась с этим без разговоров.

Когда подошла моя очередь, я положил палочку первой.

Кассирша подвинула её назад.

— Ваше выкладывайте.

— Это моё.

Она посмотрела на палочку. На ней было написано: «Доставка за тридцать минут». Обещание ничем не рисковало, потому что доставлять палочку никто не собирался.

— В смысле?

— Купить хочу.

— Она не продаётся.

— А цена у неё есть?

— Нет.

— Значит, недорого.

Женщина за мной переставила корзину из одной руки в другую. Я почувствовал, что у моего замысла появились зрители, и отступать стало глупее, чем продолжать.

Кассирша провела палочкой над сканером. Сканер промолчал. Она повернула её другой стороной. Там тоже не было штрихкода, только серый след от ленты и присохшая кунжутная семечка.

— Видите, — сказала она. — Не товар.

— А вы как их получаете?

— Привозят.

— Значит, кто-то всё-таки покупает.

— Магазин покупает.

— Я тоже могу как магазин.

Кассирша впервые улыбнулась. Не мне, а той части смены, которая до этого была совсем пустой.

— У вас касса есть?

— Пока нет.

— Тогда рано.

Мужчина с коньяком ещё складывал покупки у выхода. Он оглянулся и сказал, что в строительном такие палки продаются. Кассирша ответила, что в строительном продаются уровни. Мужчина посмотрел на коньяк, будто тот мог рассудить, и ушёл.

Из подсобки позвали администратора. Пришла невысокая женщина с ключами на синем шнурке. Кассирша объяснила ей, что покупатель хочет разделитель. Администратор посмотрела сначала на меня, потом на мои пельмени.

— Зачем?

До этого вопроса всё шло нормально.

— Разделять.

— Что?

— Что понадобится.

Она взяла палочку, осмотрела торцы и обнаружила трещину.

— Эту всё равно списывать. Забирайте.

— Сколько?

— Нисколько.

— Мне неудобно бесплатно.

— А нам неудобно очередь держать.

Женщина с молоком тихо сказала, что ей уже тоже неудобно. Я согласился на бесплатное. Кассирша пробила пельмени, бананы, лампочку и губку. Палочку положила сверху пакета, как длинный чек.

Чек я взял: без него приобретение казалось окончательно незаконным. Разделителя в чеке, конечно, не было.

На улице я понял, что не знаю, как её нести. В пакет она не помещалась. Под мышкой выглядела украденной деталью турникета. Я нёс её вертикально, и прохожие обходили меня с небольшим запасом.

Дома вымыл разделитель вместе с бананами. Бананы мыть не собирался, просто они лежали в раковине и попали под струю. Кунжутная семечка отмокла и уплыла. Пластик оказался не белым, а серым, с царапинами и тонкой трещиной у края.

На кухне ему не нашлось места. Он не входил ни в один ящик, мешал открывать холодильник, падал с подоконника. Я поставил его за батарею в коридоре и занялся пельменями.

Шесть недель назад из квартиры съехала девушка, с которой я жил. Она забрала одежду, книги и зелёную кружку с отколотой ручкой. Под диваном осталась резинка для волос, в розетке — зарядка от старого телефона, в холодильнике — молоко, которое я по привычке продолжал покупать и не пил.

Первые три ночи я спал у самого края. На четвертую лёг посередине; к утру снова оказался у стены, а вторая подушка лежала ровно. Я менял простыню, переставлял подушки, разворачивал матрас ногами к изголовью. Всё равно туда падал свет из окна и сползало одеяло. Иногда утром на пустой стороне лежала моя холодная ладонь. Я убирал её, как чужую.

Ночью я проснулся от того, что замёрз. Одеяло сползло на пустую половину. Потянул его к себе, включил свет и пошёл за водой. В коридоре задел ногой палочку. Она выскочила из-за батареи и легла поперёк прохода.

Я поднял её и принёс в спальню.

Кассовый разделитель оказался чуть короче матраса. Я положил его вдоль шва, от подушек к ногам. С моей стороны остались телефон, стакан воды и смятое одеяло. С другой — ровная простыня.

Выключил свет. Красная вывеска круглосуточного магазина лежала на пластике тонкой полосой.

Ночью я дважды ударился о разделитель коленом. Утром он лежал на полу, а я — поперёк всей кровати.

Ручка

Дверная ручка была старше всех ремонтов в нашей квартире. Обои менялись четыре раза, окна — один раз, жилыцы — чаще. Ручка оставалась.

Отец поставил её, когда сломалась прежняя, пластмассовая. Принёс коробку из хозяйственного, разложил на газете винты и две латунные половинки. Мне было восемь, и я держал квадратный стержень, пока он затягивал крепление.

— Не верти, — говорил отец.

— Я не верчу.

— Значит, дверь вертится.

Латунь тогда блестела. В ней отражался глаз, если подойти совсем близко. Отец нажал на ручку, дверь открылась и больше двадцати лет считалась починенной.

У каждого из нас был свой способ здороваться с ней. Мама нажимала локтем, когда несла пакеты. Бабушка опиралась всей ладонью и ждала, пока защёлка подумает. Отец хватался сверху и дёргал резко, отчего винты постепенно разбалтывались. Я в школе вис на ручке всем весом, завязывая шнурки, и получал по затылку, если меня замечали.

Потом я вырос и стал возвращаться ночью. Ключ попадал в замок не сразу. Ручка принимала холодную ладонь, опускалась без вопросов и впускала меня в тёмный коридор. Иногда мама выходила из комнаты и спрашивала, сколько времени. Я отвечал «нормально», будто у времени был такой час.

Через эту дверь вошла моя первая девушка. Перед звонком она долго стояла на площадке, потом призналась, что слышала из квартиры, как мы спорим, кто откроет. Уходя, она погладила ручку большим пальцем и сказала:

— У вас всё старое.

— Я новый.

— Это пока.

Через год она перестала приходить. Ручка не заметила.

После смерти отца винты пришлось подтягивать мне. Его отвёртка была слишком большой, моя — слишком маленькой. Я вставил в паз монету и сделал вид, что этого достаточно. Ручка продержалась ещё несколько лет, опускаясь под ладонью всё ниже и уже не возвращаясь до конца.

Когда мама съехала, квартиру отремонтировали для жильцов. Рабочие сменили двери в комнатах, розетки и плинтусы. Входную дверь оставили: тяжёлая, железная, такую теперь дорого выносить. Бригадир предложил заменить ручку.

— Болтается.

— Она всегда так.

— Упадёт.

— Тоже всегда.

Он пожал плечами и закрутил винты. Новые обои начинались ровно вокруг старой латунной накладки. Под ней остался коричневый круг прежней краски, которого никто не видел.

Первой въехала девушка с кошкой. В день осмотра кошка сидела в переноске, потом жила в комнате и встречала хозяйку у двери. На латунь появились тонкие царапины: кошка вставала на задние лапы и пыталась открыть сама. Девушка прислала мне фотографию и спросила, вычтем ли мы ручку из залога, если кошка всё-таки научится.

Не научилась. Через три месяца девушка получила работу в другом городе. Уезжала с двумя чемоданами, переноской и пакетом, из которого торчал кактус.

— Хорошая квартира, — сказала она, отдавая ключи. — Только дверь заедает.

Я нажал на ручку. Дверь открылась сразу.

— Она к своим привыкает.

— Я, значит, не успела.

Следующими были двое студентов. Они внесли колонки, складной стол и шесть одинаковых коробок лапши. Один здоровался со мной каждый раз, второй делал вид, что мы ещё не знакомы. Ручку они обмотали чёрной изолентой, потому что зимой металл холодил ладонь. Весной студенты поссорились. Первый уехал, второй прожил ещё месяц и тоже исчез, оставив в шкафу одну гантель.

Изоленту я снял. Под ней остался ровный светлый пояс; остальная латунь успела потемнеть.

Мама решила квартиру продать. Покупатель пришёл с женой и маленькой дочерью. Пока взрослые мерили кухню шагами, девочка открывала и закрывала входную дверь. Ручка приходилась ей на уровне плеча. Она тянула её обеими руками, дверь хлопала, мать просила прекратить.

— А это золото? — спросила девочка.

— Почти, — ответил я. — Только дешёвое.

Покупатель осмотрел крепление.

— Поменять надо.

— Можно подтянуть.

— Проще новую.

Я нажал на ручку. Защёлка не вышла. Приподнял латунь двумя пальцами, и дверь открылась.

— Видите? — сказал покупатель.

— Отвёртку оставлю.

В день сделки квартира опустела. Мама забрала посуду, я — коробку с фотографиями и жёлтый фонарь. На кухне потрескивал выключенный холодильник, остывая. Мы прошли по комнатам, проверили окна и вышли на площадку.

Отвёртку я принёс не для новых хозяев. Пока мама звонила риелтору, ослабил винты и потянул ручку на себя. Она вышла на два сантиметра, показав квадратный стержень и светлый круг на двери. В руке это была уже не ручка, а тяжёлый латунный локоть. Я представил его у себя в ящике рядом с батарейками и ненужными ключами, вставил обратно и затянул винты.

Я закрыл дверь последним. Ручка легла в ладонь знакомым тёплым изгибом. Когда я отпустил, она вернулась вверх не до конца — как всегда.

Новые хозяева поднимались по лестнице — отец, мать, девочка с рюкзаком. Девочка обогнала родителей, схватилась за ручку обеими руками и повисла, поджав ноги.

— Не виси, оторвёшь! — крикнул её отец.

Винты выдержали.

ЧАСТЬ II

Люди, которые притворяются

Человек редко врёт убедительнее, чем на общей фотографии.

Гусь

Паша пришёл ко мне с флешкой и просьбой сделать его счастливым.

На заводе, где он отвечал за снабжение — от подшивников до туалетной бумаги, — решили повесить стенд «Наша команда». Для стенда требовалась фотография. Начальница отдела кадров отдельно написала, что лица сотрудников должны быть «открытыми и доброжелательными».

— Как у мошенников на сайте банка, — сказал Паша. — У тебя принтер есть.

Принтер у меня действительно был. Чёрно-белый, без одной крышки и с характером старой собаки: бумагу принимал только после того, как с ним поговоришь.

Мы вставили флешку. На ней лежала вся Пашина жизнь, аккуратно разложенная по папкам: «Школа», «Армия», «Работа», «Свадьба», «Максим». Отдельно имелась папка «Разное», самая большая, потому что человек в основном и состоит из разного.

В школе Паша стоял на линейке с белым бантом на рукаве и смотрел так, будто уже знал про завод. В армии он сидел на броне, щурясь от солнца. На корпоративе держал бокал за тонкую ножку и подозревал фотографа в растрате. Даже рядом с сыном, которого впервые вынесли из роддома в синем конверте, у Паши было лицо мужчины, которому вручили очень хрупкий груз без накладной.

Мы открыли ещё день рождения. За Пашиной спиной висели золотые цифры «30», одна уже сдулась и свисала с кнопки. Перед ним горели свечи, друзья тянулись чокнуться, жена держала торт. Паша смотрел на огонь с деловым вниманием человека, которому сейчас поручат тушение. На следующем кадре все хлопали, а он проверял, погасли ли фитили.

— Ты вообще когда-нибудь улыбался? — спросил я.

— Постоянно.

Он показал. У него приподнялся левый угол рта, а правый остался на месте. Так могла бы улыбнуться дверная цепочка.

Мы дошли до свадьбы. У ЗАГСа Паша стоял между женой и клумбой. Жена смеялась, клумба цвела, Паша выполнял условия договора. В ресторане ему кричали «горько», тётка в сиреновом платье тянула к нему микрофон, а он везде смотрел чуть левее объектива, словно там происходило что-то более честное.

— Эту, — сказал я. — Тут пиджак приличный.

— Начальница скажет, что я закрытый.

— Зато снабжение не разворуешь.

Паша вздохнул и открыл «Разное».

Там были колёса, мангалы, чужие коты, разобранный мопед, закат над гаражами и четыре одинаковые фотографии ведра с грибами. На пятой странице появился гусь.

Паша был лет на десять моложе, в майке с выцветшим парусником и резиновых сапогах. Он стоял посреди деревенского двора, по щиколотку в серой жиже, и держал под мышкой большого белого гуся. Крыло у того было распахнуто, длинная шея выгнулась вопросительным знаком. Паша смеялся. Не приподнимал угол рта, не демонстрировал зубы по команде, а

смеялся всем лицом — с закрытыми глазами, сморщенным носом и тонкой полосой грязи на щеке. И, кажется, ещё не знал, что его снимают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.